

По крайней мере, найти трактир несложно, и Курама отвлекается от своих мыслей, поднимая глаза и изучая вывеску. Здесь нет объявления о том, что тех, кто не может заплатить, выгонят, так что Курама полагает, что это шаг в правильном направлении, хотя и не очень надеется, что хозяин окажется сговорчивым. Возможно, его подкосил собственный опыт и опыт Наруто в детстве, но он видел много худшего из того, что может предложить человечество, а большинство хорошего было вдохновлено одним лишь Наруто.

По всей вероятности, это просто мир, в котором они живут. Трудно сохранять позитивный настрой, когда ты не более чем наемник по найму. Даже Наруто в какой-то степени может быть прагматиком: шиноби есть шиноби, и люди, покупающие их услуги, поддерживают жизнь в деревнях. Идеологии можно придать очень много значения, и если Наруто за те годы, что он был Хокаге, сумел переступить эту грань, то Курама не может представить себе, как это удастся многим другим людям.

Тихонько вздохнув, Курама проводит рукой по волосам, чтобы убрать их с лица, и подходит к гостинице. Внутри все ярко освещено, и, распахнув дверь, он видит небольшой бар и столовую в стороне. От запаха еды в животе неприятно заурчало, и Курама поморщился, прижав к нему руку. Такая реакция... странная. Он до сих пор не привык к ним, сколько бы времени ни провел в роли чьего-то призрачного пассажира; когда они происходят с ним наяву, это совсем другое дело, чем знать о них отстраненно.

Его появление вызывает несколько настороженных взглядов, но в остальном - ничего, и это тоже странно. Курама все еще привык к тому, что те, кто не знает его по Наруто, с криками бегут при виде его, и, несмотря на то, что сейчас он нормального человеческого роста - даже чуть ниже среднего, благодаря тому, что сопляк так и не смог перерасти свою креветочную фазу, - отсутствие реакции на его присутствие кажется странным.

Встряхнувшись, Курама оглядывается по сторонам, чтобы сориентироваться, и направляется к небольшому столу у подножия лестницы. Пожилая женщина, работающая там, поднимает взгляд при его приближении, опускает глаза и переводит взгляд на него. Скептически изогнув одну бровь, она откладывает ручку и вежливо спрашивает: "Чем могу помочь?"

Курама ненавидит это. Проклятое отродье могло бы быть намного лучше во всем, думает он, и это задевает его настолько, что заставляет дергаться. Вдохнув, он заставляет себя не рычать, как ему хочется, и вместо этого отвечает: "Да. Есть шанс, что ты согласишься обменять ночлег и еду на какую-нибудь работу?"

Настороженность сменяется задумчивым выражением, и женщина окидывает его взглядом. "У нас есть дрова, которые нужно распилить и перевезти", - говорит она через минуту. "Мой сын мог бы это сделать, но его ранили разбойники на южной дороге".

Курама старается не гримасничать. От девятихвостого лиса-демона, бича самых темных мест человечества, до дровосека. Гьюки сам бы рассмеялся. Не говоря уже о том, что Шукаку вообще умер бы от смеха. "Может, вместо этого я займусь этими бандитами?" - предлагает он, улыбаясь. Не его вина, что в этой улыбке слишком много зубов.

В ответ он получает еще один взгляд, на этот раз еще более острый. "Вы шиноби?" - спрашивает женщина, явно подыскивая себе собеседника.

То, что у Курамы нет Наруто - ни старого, с символом Конохи, ни Альянса, который шиноби стали использовать по умолчанию, как только Кагуя уничтожила несколько первых деревень, - одновременно и облегчает, и усложняет ситуацию. И то, и другое вызвало бы вопросы, но и ответило бы на них тоже. Как бы то ни было, оба они были потеряны много лет назад, поэтому Курама просто кивнул и сказал: "Неприсоединившийся".

"Наверное, я должен был догадаться, судя по вашему виду", - пронизательно говорит трактирщик. "Если вы дадите слово, что выследите их завтра, можете остаться. Пятая комната свободна, и в нее входит ужин".

Курама вспоминает прощальное замечание Наруто о том, что ему следует посмотреться в зеркало, и от боли в сердце и раздражения у него портится настроение. "Хорошо. Хорошо", - говорит он. "Я пойду за ними, как только проснусь".

Драка в любом случае звучит как хорошая идея, и он, скорее всего, отправился бы за ними независимо от того, согласилась бы она на обмен или нет. Разбойники обычно разбивают лагерь, так что Курама мог заночевать там после того, как убьет их. Все-таки теплая еда лучше объедков или украденных пайков, а так он гарантированно получит мягкую постель. В последние пять лет их было слишком мало. Если уж Наруто жалуется на нехватку, то Курама этим воспользуется.

"Договорились", - соглашается она и протягивает ключ. "Я попрошу одну из девушек принести вам ужин, если хотите, можете присесть".

Курама неловко кивает в знак благодарности, затем поворачивается в поисках свободного столика. Один оказался в углу, прислоненный к стене, и он направился к нему с некоторым облегчением, но инстинкт подсказывал ему, что нужно найти какое-нибудь темное место и остаться там. Ему больно, даже если физические раны уже исчезли, и в нем достаточно настоящего лиса, чтобы хотеть спрятаться, пока боль не утихнет, даже если более рациональная часть его мозга знает, что это не сработает.

Он помнит, как горевал Наруто, когда Кагуя убила Саске. Иногда оно ослабевало, но никогда не проходило полностью, и, хотя Наруто был для Курамы скорее лучшим другом, чем любовником, он не ожидает, что его собственная боль будет иной.

Некоторые вещи заживают со временем. Утрата зарубцовывается, но, кажется, никогда не проходит.

Кошмары приходят неожиданно.

Курама просыпается перед рассветом, мокрый от пота и дрожащий, и перед ним снова возникает образ пустого лица Наруто, испещренного серыми линиями, которыми всегда были отмечены трупы, контролируемые Кагуей. Больше ничего нет, никакой опасности, никакой угрозы, но одного этого достаточно, чтобы Курама подался вперед, запустив руки в волосы и не обращая внимания на колючесть когтей, слишком близко подступивших к его коже. Он делает вдох, выпускает его в неровном, дрожащем крике и зажимает глаза, стараясь удержать последнюю улыбку Наруто, а не это ужасное порождение его подсознания.

Она не настоящая. Он знает это логически, ведь то, что он видел, было падением этого тела, а поскольку Курама носит его прямо сейчас, Кагуя никак не могла в то время оживить его, как какую-то марионетку.

Но Курама услышал его, звук удара тела Наруто о землю, упавшего, выброшенного, бессмысленного без настоящего Наруто внутри него. И теперь Кураме придется жить с этим напоминанием каждый день, каждый раз, когда бьется его сердце, каждый раз, когда он двигается. Ведь это тело Наруто, а Курама украл его, завладел им. Может, он и хотел этого когда-то, но не в течение двадцати лет, по крайней мере. Он здесь притворщик, подделка, и он ненавидит себя так, как никогда раньше. Всегда, всегда его ненависть была обращена вовне, направлена на других, но сейчас...

Теперь он мог бы с тем же успехом убить самого Наруто. Если бы это был не его выбор, он мог бы перерезать горло джинчуурики своей собственной рукой.

Из него вырывается звук, грубый, удушливый и острый, как ножи, и тело Курамы содрогается от него. Еще один, и еще, и вот уже слезы на его щеках, и Курама не может понять как, но он плачет. Плачет из-за потери первого человека со времен Мудреца, принесшего свет в его мир, плачет из-за потери лучшего друга, партнера, единственного существа во всем творении, которое заглянуло в его душу и полюбило его, несмотря ни на что.

Наруто больше нет, и Курама - все, что осталось.

<http://tl.rulate.ru/book/105579/3754746>